

М. Горькій и дѣти.

Въ одномъ изъ большихъ губернскихъ городовъ существуетъ небольшая начальная школа—нѣчто среднее между Mutterschule и дѣтскимъ са-

домъ. Здѣсь дѣти родителей самаго пестраго общественнаго положенія среди игръ и прогулокъ готовятся къ средней школѣ.

На первомъ планѣ программы школы стоитъ развитіе у дѣтей чувства общности. Немудрено, что такъ направляемая дѣти, услышавъ объ ужасномъ мессинскомъ бѣдствіи, не могли остаться къ нему равнодушными. На призывъ о помощи несчастнымъ жертвамъ землетрясенія они откликнулись сборомъ изъ своихъ карманныхъ денегъ, и свою лепгу, при милостивомъ дѣтскомъ письмѣ, не подвергнутомъ цензурѣ взрослыхъ отправили на имя Максима Горькаго.

Максимъ Горькій, сообщая дѣтямъ о полученіи пожертвованія, прибавилъ нѣсколько словъ теплой благодарности, и, такимъ образомъ, между большимъ писателемъ и маленькими дѣтьми завязалась дружеская переписка, продолжающаяся и до сихъ поръ.

Послѣдній эпизодъ этой переписки относится къ новому году, т.-е. къ январю 1910 года. М. Горькій хотѣлъ сдѣлать своимъ друзьямъ новогодніе подарки и послалъ имъ рамки для фотографическихъ карточекъ и ящички работы итальянскихъ крестьянъ, при большомъ письмѣ. Письмо это настолько характерно для выясненія отношенія М. Горькаго къ „малымъ симъ“, что газ. „Русское Слово“ приводитъ его полностью.

Вотъ это письмо:

„Джеффри, Лизъ, Витъ, Эльзъ, Федъ, Димъ, Ленъ, Мери, Мемъ, Шуръ, Иренъ, Павлу, Норъ, Женъ, Боръ, Гюнту—привѣтъ!

„Поздравляю съ хорошимъ праздникомъ, желаю вамъ веселиться до упада!

Мнѣ захотѣлось напомнить вамъ, хорошіе человѣчки, о себѣ, и, вотъ, я придумалъ послать дѣвочкамъ—рамки, а мальчикамъ—коробки изъ дерева, работы здѣшнихъ крестьянъ.

Если эти штуки понравятся вамъ,—я буду радъ, а если вы мнѣ еще разъ напишете письмишко,—такъ это ужъ будетъ праздникъ для меня.

На рамкахъ и коробкахъ я сдѣлалъ надписи, кому какую. Но, вѣроятно, я сдѣлалъ это плохо, и вы не обращайте вниманія на эти надписи. Хорошо?

Боюсь также, что я перепуталъ: очень трудно разобрать по фотографіи, которые изъ васъ господины, а которыя—госпожи,—вы всѣ такіе курносые!

Мнѣ хочется прислать вамъ здѣшнихъ раковинъ для музея, о которомъ писалъ мнѣ Витя, и я, навѣрное, сдѣлаю это, спустя нѣкоторое время.

Получивъ ваши письма, я хохоталъ съ радости такъ, что всѣ рыбы высунули носы изъ воды,—въ чемъ дѣло? Я объяснилъ имъ, что на берегу другого моря живутъ славные люди; они еще маленькіе, но я увѣрелъ, что и большими они будутъ хороши,—вотъ почему мнѣ радостно.

Чтобы вы не говорили, что я плохо пишу, и меня нельзя читать,—вотъ я напечаталъ это письмо на машинкѣ. Сами-то хорошо пишете! Подождите-ка, я приберегу ваши письма и лѣтъ этакъ черезъ двадцать покажу вамъ ихъ,—хорошія словечки прочитаете вы тамъ!

Напримѣръ, позвольте спросить: что такое перепаха? Линтяй? Дюжена? Спилталкъ?

Ужъ я-то не коверкаю такъ умѣло русскій языкъ, какъ вы это дѣлаете!

Въ чемъ я слабъ, такъ это — въ употребленіи буквы „ѣ“, только вы никому не говорите объ этомъ.

Эта буква всегда смущаетъ меня, и когда дѣло доходитъ до нея, я чувствую себя такъ, какъ будто мнѣ не сорокъ, а всего четыре года.

Даже въ словахъ „пять“, „понять“ мнѣ чудится это „ѣ“, отчего бываетъ, что я пишу вмѣсто „пять“ — „пѣть“.

Съ какой большой радостью повидался бы я съ вами, милыя дѣти,

какъ бы славно мы поиграли, и сколько могъ бы я рассказать вамъ забавнѣйшихъ вещей. Я хотя и не очень молодъ, но не скучный парень, и умѣю недурно показывать, что дѣлается съ самоваромъ, въ который положили горячихъ углей и забыли налить воду. Могу также показать, какъ лѣнивая и глупая рыба „перкія“ беретъ наживу съ удочки, и много другихъ смѣшныхъ вещей.

Я очень люблю играть съ дѣтьми, это—моя старая привычка. Маленькій, лѣтъ десяти, я няньчилъ своего братишку—онъ умеръ,—потомъ няньчилъ еще двухъ ребятъ, и, наконецъ, когда мнѣ было лѣтъ двадцать, я собиралъ по праздникамъ ребятяшекъ со всей улицы, на которой жилъ, и уходилъ съ ними въ лѣсъ на цѣлый день, съ утра до вечера.

Это было славно, знаете-ли! Дѣтей собиралось до 60-ти. Они были маленькія, лѣтъ отъ четырехъ и не старше десяти; набѣгавшись по лѣсу, они часто, бывало, не могли уже идти домой пѣшкомъ. Ну, у меня для этого было сдѣлано такое кресло; я привязывалъ его на спину и на плечи себѣ, въ него садились уставшіе, и я ихъ превосходно тащилъ по лѣсу домой. Чудесно! Хорошее было время, мнѣ пріятно вспоминать о немъ.

А потомъ я сдѣлался писателемъ. Это—очень трудное дѣло, хотя я и люблю его.

Трудно больше всего потому, что эти взрослые люди, которые читаютъ книжки, должно-быть, забываютъ, что писатель—тоже человекъ, и разглядываютъ его такъ, какъ будто онъ—четвероногая рыба или крылатый козелъ. Это очень мѣшаетъ жить, обязываетъ любезно улыбаться, когда совсемъ не хочешь улыбкѣ, и все время необходимо вѣжливо говорить взрослымъ:

— Благодарю васъ за вниманіе, я весьма польщенъ.

И думать про себя:

— Желаю вамъ отъ всей души, чтобы у васъ заболѣлъ зубъ!

Такъ-то, дорогіе друзья мои!

Ирена просила, чтобы я написалъ пьесу для дѣтей; я попробовалъ, и оказалось, что не умѣю.

Издаете вы свой журналъ?

Если, кромѣ перваго номера, были еще,—пришлите, пожалуйста, мнѣ. Я попытаюсь, написать для васъ сказку,—идетъ? Пишите мнѣ, если захочется...

Будьте здоровы и не ссорьтесь часто,—эти ссоры, я вамъ скажу, ужасно мѣшаютъ жить весело.

М. Горькій.